

© Е. Э. Шевченко

СКИТ ПРЕПОДОБНОГО НИЛА СОРСКОГО В КОНТЕКСТЕ ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

20 мая 2008 года Русская Православная Церковь отметила пятисотлетие со дня преставления преподобного Нила Сорского, который по праву считается одной из самых значимых фигур в истории средневековой Руси. Его деятельность как выдающегося книжника, писателя, богослова имеет первостепенное значение для истории русской культуры: неординарная личность великого заволжского старца и его идеи оказали большое влияние не только на формирование мировоззрения человека Древней Руси, но остаются актуальными и для современной духовной жизни.

Интерес к произведениям Нила Сорского возник сразу же с момента их появления и никогда впоследствии не угасал. Но если с конца XV века учению заволжского старца внимание уделялось в основном в церковной и монашеской среде, то с середины XIX века к творчеству преп. Нила обратились историки древнерусской культуры. С этого времени развернулась обширная полемика вокруг сочинений сорского старца и его роли в истории средневековой Руси. В историографии наметились разные, подчас противоположные, точки зрения на вопросы, касающиеся преп. Нила как идеолога партии «нестяжателей», его участия в соборах 1490 и 1503 годов, его отношения к еретикам и праву монастырей на владение землей. Немало спорных моментов и во взглядах исследователей на его литературное наследие. Решение некоторых из этих проблем зашло «в тупик», как отметила Е. В. Романенко, «вследствие того, что исчерпана информация тех источников, которыми историки обычно пользуются. Необходимо искать новые».¹

Прояснению многих спорных вопросов может способствовать введение в научный оборот новых рукописных материалов из книжного наследия Нило-Сорского скита.

Преп. Нил основал свой скит на исходе XV века примерно в 15 поприщах от Кирилло-Белозерского монастыря на реке Соре, и долгое время там неукоснительно соблюдались традиции заволжского старца. Скит — особая форма организации жизни монахов, предполагающая средний путь между общежительным монастырем и совершенным отшельничеством. По установленным преп. Нилом правилам в Сорскую обитель мог поступить только грамотный инок, и основным занятием скитских монахов было книгописание, а Нило-Сорский скит стал своего рода интеллектуальным центром Древней Руси. С течением времени в пустыни на реке Соре сложилась значительная коллекция рукописных книг, которая отразила круг интересов монахов, стремившихся к внутреннему созерцанию. До наших дней она не дошла как единое целое. И сейчас в собраниях Москвы, Петербурга, Кириллова, Великого Новгорода (РНБ, РГБ, СПб ИИ РАН, РГАДА, ГИМ, Кирилло-Белозерского и Новгородского музеев-заповедников) выявлено около 200 рукописей. Из них около 100 — это рукописи, включающие в себя различные произведения переводной и оригинальной литературы Древней Руси, имеющие помету или запись о

¹ Романенко Е. В. Нил Сорский и традиции русского монашества. М., 2003. С. 49.

непосредственной принадлежности Нило-Сорскому скиту, 44 — это передаточные описи и приходо-расходные книги скита, и еще около 30 — рукописи, связанные с деятельностью книгописцев пустыни.

Изучение рукописей показало, что скитское книжное собрание складывалось за счет переписывания манускриптов, покупки, а также книжных пожертвований.

Вкладчиками рукописей были как высокопоставленные церковные и государственные деятели, так и простые монахи. Известные писатели, оставившие значительный след в древнерусской письменности, нередко уделяли внимание расположенному в непроходимых заволжских лесах Сорскому скиту, преподнося ему в дар книги.

Так, в первой половине XVI века Василием Михайловичем Тучковым-Морозовым в Нилову пустынь был вложен Пролог на весь год в трех книгах.² Василий Михайлович — боярский сын, приближенный к великокняжескому двору, человек начитанный и причастный к литературной деятельности, собеседник, ученик и адресат посланий приехавшего на Русь в 1516 году знаменитого писателя и переводчика Максима Грека.³ Как установил Л. А. Дмитриев, в 1537 году по инициативе архиепископа новгородского (впоследствии митрополита всея Руси) Макария В. М. Тучковым была составлена третья редакция Жития Михаила Клопского.⁴ Исследователь показал, что в результате полной переработки этого памятника XV века под первом «сына боярского» Василия текст агиографического произведения о Михаиле Клопском приобрел не местное, а общерусское звучание. Тучковская редакция Жития отличается от предыдущих использованием ряда новых источников. Л. А. Дмитриев писал, что в витиеватом вступлении к Житию Тучков «ухитряется блеснуть своими знаниями и начитанностью, рассказывая историю Русской земли в связи с библейской историей...».⁵ В частности, здесь отражено знакомство автора с Легендой о путешествии по Руси апостола Андрея Первозванного.⁶ «Три книги Пролога», подаренные писателем в Нило-Сорскую пустынь, представляют собой вторую редакцию Пролога, а это означает, что в его состав включен текст легенды об Андрее Первозванном.⁷ На наш взгляд, именно этот скитский экземпляр Пролога мог послужить источником для Тучковской редакции Жития Михаила Клопского. Более того, возможно, именно эти книги Пролога были использованы и для подборки текстов об Андрее Первозванном при составлении Софийского комплекта Великих Миней Четырех, поскольку инициатором их написания был архиепископ новгородский Макарий, по поручению которого Василий Михайлович и создавал свою редакцию Жития Михаила Клопского.

Вклад Тучковым рукописей в небогатый, затерянный среди глухих лесов скит, безусловно, свидетельствует о почитании писателем обители Нила Сорского. Предполагаемое же использование скитского экземпляра Пролога в качестве источника сочинения Василия Михайловича и Великих Миней Четырех открывает новые перспективы в изучении творчества древнерусских книжников.

Среди вкладчиков книг в пустыню на реке Соре XVII века нельзя не упомянуть Арсения Елассонского, грека, прибывшего на Русь в 1588 году в свите патри-

² См.: РНБ. Собр. Софийского Новгородского собора. № 1334, 1340, 1352 (далее: Соф. собр., с указанием единицы хранения). Подробнее об этих рукописях см.: Шевченко Е. Э. Книжные вклады именитых людей XVI—XVII вв. в Нило-Сорскую пустынь // Рукописные памятники. Публикации и исследования. СПб., 1997. Вып. 4. С. 147—150.

³ Дмитриев Л. А. Василий Михайлович Тучков // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2: Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 2. С. 446—448.

⁴ Дмитриев Л. А. Житие Михаила Клопского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2: Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 1. С. 304.

⁵ Дмитриев Л. А. Повести о Житии Михаила Клопского. М.; Л., 1958. С. 79.

⁶ Там же. С. 142—143.

⁷ Редакция определена на основании статьи: Бубнов Н. Д. Славяно-русские Прологи // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. С. 274—296.

арха Иеремиии II, целью приезда которого было испросить милостыню на строительство патриаршего собора в Константинополе и учредить патриаршество в России. В 1596 году по повелению царя Федора Ивановича и патриарха он был назначен архиепископом Московского Архангельского собора. Его перу принадлежит поэма на греческом языке об установлении патриаршества на Руси, а также мемуары, осветившие не только современные ему исторические факты, но и события русской истории в целом.⁸ В 1607 году Арсением Елассонским в скит был пощертован рукописный Служебник⁹ и печатное Евангелие.¹⁰ Возможно, решением сделать книжный вклад в отдаленную пустынь на реке Соре Арсений Елассонский был обязан теперь уже известному книжнику Ионе Соловецкому, странствующему клирошанину.¹¹ Переходя из монастыря в монастырь, Иона неоднократно посещал и Нило-Сорский скит. Впервые он оказался там в ноябре 1604 года, как мы знаем из его автобиографии, последняя запись которой отмечает очередной приход Ионы в Сорский скит 1 марта 1621 года.¹² Б. Н. Морозов в своей статье об этом книжнике высказал обоснованное предположение о знакомстве Ионы с Арсением Елассонским, которое состоялось в Москве в 1595 году и, вероятно, поддерживалось до последних дней высокопоставленного грека, когда тот умер в 1626 году, будучи уже архиепископом Сузdalским.¹³

Книжные дары такой высокопоставленной особы, не последнюю роль игравшей в культурной жизни средневековой Руси, в далекую, расположенную в болотистых северных лесах пустынь являются ярким свидетельством уважения, которым пользовался скит преподобного Нила и в XVII веке.

Пожертвования составляли значительную долю в книжном собрании пустыни, однако в основном коллекция книг скита формировалась за счет копирования и создания новых произведений.

Несмотря на то что начало собранию было положено самим преп. Нилом, хорошо известно, что собственноручно написанные сорским старцем тексты были обнаружены в сборниках Нила Полева, постриженника Иосифа Волоцкого.¹⁴ На рубеже XV—XVI столетий волоколамский инок Нил оказался в Белозерье, а вернувшись на место принятия иноческого сана, в 1514 году вложил в Иосифо-Волоколамский монастырь несколько сборников на помин своей души. Основу этих рукописей и составляют автографы Нила Сорского.

Как известно, вместе с Нилом Полевым покинул Иосифо-Волоколамский монастырь и подвизался в Белозерских обителях другой постриженник волоколамского игумена, Дионисий Звенигородский Лупа.¹⁵ По описям Иосифо-Волоколамского монастыря Р. П. Дмитриева выявила двенадцать принадлежавших ему сборников, и их изучение показало, что высокородный монах (Дионисий происходил из князей Звенигородских) был не лишен литературных интересов.

Кодикологическое исследование принадлежавших Дионисию Звенигородскому рукописей позволило установить, что одна тетрадь в них написана почерком

⁸ Зилитинкевич В. С. Арсений Елассонский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3: XVII в. Ч. 1. С. 108—110; Шевченко Е. Э. Книжные вклады. С. 152—154.

⁹ РНБ. Собр. Кирилло-Белозерского монастыря. № 816/1073 (далее: Кир.-Бел. собр., с указанием единицы хранения).

¹⁰ Шевченко Е. Э. Книжные вклады. С. 152.

¹¹ Об этом книжнике и библиографию о нем см.: Зиборов В. К., Романова А. А. Иона Соловецкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3: XVII в. Ч. 2. С. 89—92.

¹² РНБ. Q. XVII. 67. Л. 1.

¹³ Морозов Б. Н. К истории списка Судебника Ивана IV, найденного К. Ф. Калайдовичем // Проблемы источниковедения. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 324—325.

¹⁴ Прохоров Г. М. Нил Полев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 2. С. 131.

¹⁵ Дмитриева Р. П. Дионисий Звенигородский Лупа // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 1. С. 191—192.

Нила Сорского.¹⁶ Автографы великого сорского подвижника в рукописях этого волоколамского монаха были ранее не известны.

Руке Нила Сорского в этом сборнике принадлежит «Предание уставом иже на внешней стране пребывающим иноком», т. е. Скитский устав. Этот же текст переписан заволжским старцем и в сборнике Нила Полева.¹⁷ Возможно, выявление второго списка произведения, собственноручно написанного преп. Нилом, поможет ответить на вопрос, которым давно задавались исследователи древнерусской литературы: почему все до сих пор известные автографы сорского монаха оказались в волоколамских сборниках, хотя в Завещании заволжский подвижник просил написанные им книги оставить в скиту: «...что писал есми сам книжки, то — господъ моей и братіи, кто учнет тръпти на мъсть сем».¹⁸ Существует мнение, что Нил Полев «похитил» собственноручно написанные Нилом Сорским книги.¹⁹ Выявление нового автографа заволжского подвижника, дважды переписавшего Скитский устав, дает нам основание для другой версии. Скорее всего, Нил Сорский намеренно создавал списки одного и того же сочинения с целью их распространения. Впрочем, такому однозначному выводу мешает слишком большой объем текстов, написанных заволжским старцем (например, составленные им Соборники Житий). Бесспорным является только тот факт, что сорский подвижник обращался к Скитскому уставу дважды: переписанный его рукой текст правил находится в сборниках обоих волоколамских иноков — и у Дионисия, и у Нила.

Несмотря на то что среди принадлежавших скиту рукописей автографы преп. Нила не выявлены, изучение состава сборников Сорского собрания свидетельствует о бережном отношении к сочинениям великого старца. До нас дошли рукописи, в которых Послания, Устав и Предание Нила Сорского переписаны его учениками и последователями.

Так, например, писец Нилова скита Герасим, по прозвищу Глупой или Скудной, в середине XVI века трудился над созданием нескольких рукописей.²⁰ Это Шестоднев,²¹ Сборник агиографический²² и Сборник-конволют смешанного содержания.²³ В Шестодневе Герасим оставил скрепу, а в Погодинском сборнике приписку, где он назвал себя в качестве писца этих рукописей. Принадлежность его руке большей части листов Софийского сборника, а такжеnumерация глав устанавливаются по почерку. Помимо этого на внутренней стороне верхней крышки переплета скорописью написано «Герасимовский». Погодинская рукопись представляет собой так называемый «Строевский конволют»,²⁴ где собраны тексты из разных книг. Общеизвестно, что археографы XIX века не чуждались изыскания понравившихся им произведений из рукописей монастырей для составления затем своих

¹⁶ ГИМ. Епархиальное собр. № 351. Л. 173—180 об. См.: Шевченко Е. Э. Неизвестный автограф Нила Сорского // ТОДРЛ. 2007. Т. 58. С. 913—919.

¹⁷ ГИМ. Епархиальное собр. № 349. Л. 2—7 об. То есть начало и конец этого сочинения (л. 1—1 об. и 8—8 об.) дописаны другим почерком на бумаге с другой филигранью. См.: Клосс Б. М. Нил Сорский и Нил Полев — «списатели книг» // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 155.

¹⁸ Завещание Нила Сорского // Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения / Изд. подг. Г. М. Прохоров. СПб., 2008. С. 280.

¹⁹ Прохоров Г. М. Преподобный Нил Сорский и его место в истории русской духовности // Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения. С. 39.

²⁰ Шевченко Е. Э. 1) Писцы Нило-Сорского скита XVI—XVII вв. // Наследие монастырской культуры: Ремесло, художество, искусство. СПб., 1997. Вып. 2. С. 77; 2) К истории канонизации преподобного Нила Сорского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2004. Т. 1 (15). Март. С. 96—97.

²¹ РНБ. Кир.-Бел. собр. № 550/807.

²² РНБ. Соф. собр. № 1469.

²³ РНБ. Собр. Погодина. № 1563.

²⁴ Коллекция М. П. Строева вошла в собрание М. П. Погодина. См.: Уо Д. К. К изучению истории рукописного собрания М. П. Строева // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 184—203.

собственных сборников.²⁵ Погодинская рукопись является как раз такой подборкой из разных манускриптов. Почерком Герасима, начинаяющим конволют, написано Вступление к Преданию Нила Сорского, название самого Предания, уже упомянутая приписка, а также проставлена нумерация глав. Предание вместе с Вступлением к нему обозначено как глава 17, хотя в Погодинском сборнике оно является первым текстом (л. 2—16). В Софийском сборнике нумерация глав заканчивается числом 16, а на внутренней стороне нижней крышки переплета карандашом почерком XIX века написано: «Вырвано о Ниле Сорском». Таким образом, этот текст Погодинского конволюта (л. 2—16) несомненно является частью Софийского сборника.

В атрибуции почерков скитских писцов незаменимую роль играют Описи и приходо-расходные книги пустыни. Так, приходная книга Ниловой пустыни 1611 года называет еще одного переписчика Предания старца Нила — Мисаила.²⁶ Это имя знакомо нам по Посланию старцу Ниловой пустыни Рафаилу, которое было выделено из переплета скитской рукописи.²⁷ В Послании речь идет о неких переписанных Мисаилом тетрадях, переданных им своему духовному отцу старцу Рафаилу по его просьбе. Часть Послания утрачена, так как лист с текстом по размерам превосходил переплет, для подклейки которого использовался в XVII веке, и потому был выровнен в соответствии с его параметрами. Сам текст Послания читается с трудом, поскольку написан скорописью, а существенная часть повреждена при подклейке. Однако позволим привести его в данной статье, так как исследователям средневековой письменности крайне редко доводится встречать документы, свидетельствующие о сугубо частной переписке монахов XVII века. Помимо посланий основателя Нило-Сорской пустыни других писем скитских насельников до сих пор вообще не было известно.

«Великому господину старцу Рафаилу Михайло / челом бьет. Пожалуй, великий господинъ, / с (...) своим благословением и по со Господову (?) / недостанстве и ходатаиство с / Ниеливе саборному праведному/ дабы Всемилостивыи Бог ради тв... / и сущих с тобою / молитвъ нашему согрешению... / е створил. Надясь на твою духовн / любов, дерзнул к тебѣ и къ строителю/ от своих трудов предпоставити Господа рад / и любително приими. Да что ты... / дал рени [...] тетратеи прислатъ, и тѣ уве / у тебя. А яз х тебѣ послал своих тру / посмотрити что тебѣ наше скудоум...».

В приходной книге 1611 года также указывается, что Предание, написанное Мисаилом, было подарено белозерскому дьяку Богдану Ильину Колокольникову,²⁸ а в Кирилло-Белозерском собрании ОР РНБ выявлена рукопись Святцы, вложенная в скит Нила Сорского этим дьячком.²⁹

В конце XVII века другой монах Нило-Сорской пустыни Герасим, по прозвищу Новгородец, среди прочих текстов переписал Послание преп. Нила Вассиану Патрикееву.³⁰ Постриженник, а впоследствии казначай Кирилло-Белозерского монастыря, с 23 мая 1681 по 9 января 1682 года Герасим Новгородец был строителем

²⁵ Так, например, Р. П. Дмитриева установила, что продолжение Летописчика Кирилло-Белозерского книжника Ефросина из Кирилло-Белозерской рукописи находится также в Стroeовском конволюте из Погодинского собрания. См.: Дмитриева Р. П. Взаимоотношения списков «Задонщины» и текста «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 25. Прим. 78; Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ. 1961. Т. 17. С. 130—168.

²⁶ ГИМ. ОПИ. Ф. 484. № 74. Л. 26 об.

²⁷ РНБ. Кир.-Бел. № 140/397. Л. I. Подробнее об этом см.: Шевченко Е. Э. Из истории книжных связей Белозерья и Соловков (Кирилло-Белозерский и Соловецкий монастыри, Нило-Сорский и Анзерский скиты) // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2007. Вып. 11. С. 279—280.

²⁸ ГИМ. ОПИ. Ф. 484. № 74. Л. 26 об., 21.

²⁹ РНБ. Кир.-Бел. № 493/750.

³⁰ Шевченко Е. Э. Писцы Нило-Сорского скита XVI—XVII вв. С. 78—80.

Сорской пустыни, а в конце жизни, на рубеже XVII—XVIII веков, он стал игуменом Ферапонта монастыря.

В Сорском скиту им были писаны две рукописи, что следует из его собственных приписок: Псалтирь³¹ и литературно-патристический сборник.³² Судя по почерку, а также по припискам, в Кирилло-Белозерском монастыре им были созданы еще две книги — Евангелие³³ и Апостол.³⁴

Все четыре сборника оформлены в одном стиле: они небольшого формата, в шестнадцатую долю листа, со всегда совпадающим средником на верхней крышке переплета и схожим тиснением. Декорированы они гравированными заставками старопечатного стиля с вписанными в эти заставки-рамки текстами.³⁵ Это своего рода мини-собрание монаха.

Самым интересным из книг Герасима Новгородца для нас оказался литературно-патристический сборник из Нилова скита. Подборка статей этого сборника отражает личные интересы писца. Помимо послания Нила Сорского Вассиану Патрикееву, здесь помещены выписки из Скитского патерика, произведений отцов церкви, наиболее почитающихся в среде монашества, стремящегося к уединению и молчальничеству, таких как Исаак Сирин, Григорий Синаит, Нил Синайский, Илларион Великий и др.

Начинается сборник с Послания епископа Владимира и Сузdalского Симона Поликарпу из Киево-Печерского патерика. Этот текст, назвав его не Посланием, а «Словом» («Преподобного отца Симона епископа Суждалского слово на получение монахом зело полезно»), Герасим Новгородец выписал из напечатанного в 1661 году Иннокентием Гизелем Киево-Печерского патерика.

Сорский монах в точности скопировал с издания пометы на полях, которые обозначают разные функции: одни из них отсылают к источникам Послания, другие выделяют основную мысль того или иного его периода: «Достоит иноку наказовать себя» (л. 1 об.), «Достоит подвизатися непестро» (л. 2) и т. д. В этих «программных» пометах Герасим Новгородец, очевидно, уловил выраженную издателями Патерика тенденцию к некоторому обобщению написанных по определенному случаю назиданий епископа, обращенных к конкретному лицу — его ученику Поликарпу.³⁶ Копируя сочинение Симона, сорский монах усилил это стремление. Отказавшись от славословия в честь Киево-Печерской обители и в большинстве своем от упоминания конкретных имен, Герасим выписал только такие сведения и фразы, которые не имели местного звучания. Многие из них являются цитатами из произведений святоотеческой литературы: Паренесиса Ефрема Сирина, Лествицы Иоанна Синайского, Скитского и Синайского патериков.³⁷ При этом сорский книжник изрядно сократил текст Симонова Поучения. К этому сочинению владимирского епископа Герасим присовокупил еще несколько кратких выдержек из другого произведения Патерика. Как удалось установить, источником их послужила Поква-

³¹ РНБ. Кир.-Бел. № 20/25. Л. 312.

³² РНБ. Кир.-Бел. № 115/1192. Л. 406 об.

³³ РНБ. Кир.-Бел. № 84/89.

³⁴ РНБ. Кир.-Бел. № 119/124.

³⁵ Заставки рукописей № 119/124 и № 84/89 с краткой их характеристикой опубликованы в статье О. Б. Враской, однако написание этих книг отнесено здесь к разному времени и не связано с писцом: *Враская О. Б. Об орнаментации книг из Кирилло-Белозерского монастыря // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1983. Сб. 3. С. 276.*

³⁶ Для появившихся в Киеве редакций XVII века, начиная с издания Сильвестра Коссова, вообще характерно обилие общих мест. Как писал В. Н. Перетц, «факт в нем — только повод к морализации...». См.: *Перетц В. Н. Киево-Печерский патерик в польском и украинском переводе // Славянская филология: Сб. статей IV Междунар. съезд славистов. М., 1958. Т. 3. С. 176.*

³⁷ Литературные источники Послания Симона установлены Д. А. Абрамовичем: *Абрамович Д. А. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902. С. 175—177.*

ла Антонию Печерскому. Однако здесь Герасим сохранил встречающиеся имена: он упомянул и святого Антония, и авву Моисея, и даже царя Кира.

Интересно заметить, что сорский монах обратился к печатному Патерику, хотя в собрании Кирилло-Белозерского монастыря, постриженником которого он был и который располагался неподалеку от Нило-Сорской пустыни, находились рукописные экземпляры этого памятника.³⁸ Возможно, причина копирования именно печатного Патерика кроется в том, что в издании была помещена относительно новая редакция этого произведения. Известно, например, что древнее Житие Антония Печерского не сохранилось и было составлено только в XVII веке,³⁹ да и весь текст Патерика подвергся сильной переработке.

Интерес Герасима Новгородца к литературным «новинкам» отразился и в другом произведении, включенном им в этот сборник. В конце своей рукописи сорский книжник поместил любопытный текст (л. 404—406 об.), озаглавленный как «Единосогласие». Такое название напоминает термин «двоесточное согласие», которым вслед за Герасимом Смотрицким, автором стихотворного вступления к Острожской Библии, обозначался в московской Руси XVII века новый феномен — рифмованные двустишия.⁴⁰ В самом деле, несмотря на то что текст из сборника Герасима Новгородца не разделен на строки, а только на строфы, он представляет собой двустишия, связанные созвучиями. При этом в нем проставлены ударения. Стихотворные вирши написаны неравносложием — относительной силлабикой⁴¹ — с парной достаточной рифмой, преимущественно женской, редко мужской или дактилической.

Скорее всего, «Единосогласие» является собственным сочинением этого книжника, во всяком случае, пока нет данных, свидетельствующих об обратном. Только две строки отдаленно напоминают строки из предисловия «Книги о вере», напечатанной в Москве в 1648 году:⁴²

Сборник Герасима Новгородца	Книга о вере
Аще хощет во славе безконечно жити, потицся Иисусу Христу угодно служити.	Аще хощеши в правоверии Христу угодити, потицся без разлнения сия проходити.

Приведем вирши полностью. При этом косая линия будет обозначать авторское окончание строф, деление же на строки — наше.

ЕДИНОСОГЛАСИЕ

Хотяй смертныхъ бѣдъ не познати
тщицся лестей мирскихъ бѣжати. /
Брате, словесе врага не вѣруй твоего,
дондеже прейдет скорый бѣгъ жития сего. /
Хощеши ли имѣти крѣпко чаяние — на Господа уповай,
всего себе Ему возлагай. /
Той бо есть вѣрный — своихъ другъ не забывает,
ихъже яко зѣницу ока соблюдаеть. /
Аще хощетъ во славѣ безконечно жити,
потицся Иисусу Христу угодно служити. /

³⁸ Например, рукописи, входящие сейчас в состав Софийского собр. РНБ (Соф. собр. № 1363, 1364).

³⁹ Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4: XII в. Комментарии. С. 644.

⁴⁰ Панченко А. М. Литература «переходного века» // История русской литературы. Л., 1980. Т. 1. С. 320.

⁴¹ Об «относительном силлабизме» у московских поэтов XVII века см.: Там же. С. 319.

⁴² Книга о вере. М., 1648. [С. 7 об.].

Христу работай, иже свой овца знаетъ,
 на паствах пасый своей славы упитаетъ. //
 Бѣжи бѣжи в землю обѣтованную,
 святымъ прежде миръ небѣ уготованную. /
 Да ся ко пристанищу приими сподобиши,
 идѣже Христосъ и Его благъ ся насладиши. /
 Отвержи убо сонъ всякъ и нерадѣние,
 возлюби святых путь, труд, и нагость, и бѣдніе. /
 Яко же лучшіе Христу работати
 и с Ним во обителехъ горнихъ царьствовати, /
 неже ли ради мирской лютой работы
 понести глад и туне изливати поты. //
 [...] чужими бѣдами присно накажися
 и жестокаго ига мирскаго хранися. /
 Бремя Господня ига не творит лѣниво
 о спасении выну бодра и тщалива. /
 Аще ся хощеш со Христомъ веселити,
 возжель иго благое Его носити. /
 Тебѣ же довльет к Богу приступити
 и всю надежду свою на Немъ возложити. /
 Прелестнаго мира и всѣхъ в немъ соблюдися
 паче в жизнь вѣчную ко Христу поспешиша. /
 Вавилонъ се не пришелъ еси населяти,
 о, изгнаньниче, но со плачемъ поминати. /
 Небеснаго Сиона, в немъже обитаетъ
 Отецъ нашъ, и во Своя тя покой призываєтъ. /
 Течы, о, блудный сыну, ко Отцу своему,
 радуетъ бо ся зѣло тебѣ, пришедшему. /
 У Отца истинное есть насыщеніе
 и всѣхъ совершеннное благъ утѣщеніе⁴³ /
 Небесныхъ ради благъ красоты
 мирской хранися слѣпоты. /
 Обнажися от всяких земленыхъ пристрастей
 и избавишися мукъ и всякихъ злострастей. /
 Сей миръ скоро ся скончает,
 Богъ же во вѣки пребываетъ, /
 уже слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминъ.

Почему же у белозерского монаха появился интерес к стихотворным произведениям?

Общеизвестно, что XVII столетие ознаменовано острой борьбой традиционного и новаторского в области художественного творчества. В это время происходит смешение, а также появление новых для русской культуры жанров и направлений. Таким нехарактерным явлением для русской книжной культуры предыдущего периода было сочинение стихотворных текстов — виршей. К концу XVII века новые формы словесного творчества захватывают самые широкие социальные слои. Составление рифмованных произведений стало распространенным явлением и в среде монашества. Так, например, рукописи Антониево-Сийского монастыря конца XVII века донесли до нашего времени вирши, созданные рядовыми монахами, а также настоятелем этой киновии архимандритом Никодимом.⁴⁴ Рукописные сборники Кирилло-Белозерского монастыря с этой точки зрения пока недостаточно изучены. Но следует отметить, что исследователями древнерусской литературы в качестве отдельных примеров стихосложения XV века называются

⁴³ Буквы «т» и «ъ» в этом слове исправлены из других.

⁴⁴ Рыжова Е. А. Виршевые редакции северорусских житий // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 195—235.

произведения, зафиксированные в сборниках книгописца Ефросина, связанного именно с Кирилло-Белозерской обителью.⁴⁵ Однако если эти тексты Герасим Новгородец мог и не знать, то про стихотворные опыты другого книжника несомненно должен был слышать. В 1623 году в Кирилло-Белозерский монастырь «за шатость в вере» был сослан один из первых русских стихотворцев Иван Андреевич Хворостинин. В ссылке он сочинил стихотворное «Изложение на еретики-злохулиники».⁴⁶

Появлению виршей в сборнике Герасима Новгородца могли способствовать и другие обстоятельства. Как известно, в 1667 году в Ферапонтов монастырь, находящийся неподалеку от Кириллова, а затем и в Кирилло-Белозерский монастырь был выслан бывший патриарх московский и всея Руси Никон.⁴⁷ Еще до ссылки в основанных им на реке Истре Воскресенском Ново-Иерусалимском и на Иверском озере Валдайском монастырях Никон создал литературные центры, в которых большая роль была отведена слаганию виршей и книгопечатанию.⁴⁸ Вместе с бывшим патриархом в добровольном заключении в разное время находились преданные ему монахи и представители белого духовенства.⁴⁹ Возможно, при их посредстве в белозерских обителях произошло знакомство с новыми формами словесного искусства. Во всяком случае, в это же время в Кирилло-Белозерском монастыре трудился книжник, головщик иеродиакон Григорий Жернов, постриженник, как указано в приписке на одной из принадлежавших ему рукописей, Воскресенского Ново-Иерусалимского «бывшаго великаго господина святаго Никона, патриарха московскаго и всея Руси» монастыря. Все принадлежавшие ему певческие книги относятся к числу новоисправных наречных, то есть связанны с результатами никоновских реформ.⁵⁰ Музыкальное искусство никоновских монахов было непосредственно связано с рифмописчеством: не случайно исследователями древнерусской культуры никоновская школа названа «песенной поэзией».⁵¹ Таким образом, в Кирилловской киновии в конце XVII века, несомненно, были знакомы с литературными новшествами, которым покровительствовал Никон во время своего патриаршества. Герасим Новгородец прежде назначения строителем Нило-Сорской

⁴⁵ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 161; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 10; Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ. Т. 17. С. 130—168; Махновец Т. А. «Слово о хмеле» в списках XV в. // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 155—156, 159—163.

⁴⁶ Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. С. 28; Буланин Д. М., Семенова Е. П. Хворостинин Иван Андреевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3.: XVII в. Ч. 4. С. 190—198.

⁴⁷ Бриллиантов И. И. Ферапонтов Белозерский монастырь — место заточения патриарха Никона. СПб., 1899.

⁴⁸ Поздеев А. В. Никоновская школа пе́сенной поэзии // ТОДРЛ. Т. 17. С. 419—428; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. С. 103—115; Белоненко В. С. Из истории книгопечатания Иверского Валдайского монастыря // Исследование памятников письменной культуры в собрании и архивах Отдела рукописей и редких книг. Л., 1988. С. 73.

⁴⁹ Старцы Флавиан, Варлаам, Мардарий, черные попы Памва и Палладий, черные дьяконы Исаий и Маркелл, белые дьячки Таракса (или Герасыка) Матвеев и Ипатко Михайлов, Филагрий, Мисаил. См.: Бриллиантов И. И. Указ. соч. С. 136; Севастьянова С. К. 1) Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: Исследование и тексты. М., 2007. Комментарии. С. 453, 457; 2) Материалы к «Летописи и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003. С. 247, 252, 256, 260, 261.

⁵⁰ Сердечно благодарю Н. В. Рамазанову за информацию о рукописях Григория Жернова. См.: Безуглова И. Ф. Маргинации в рукописных книгах Кирилло-Белозерского монастыря как источник по истории русской музыкальной культуры // Исследование памятников письменной культуры в собрании и архивах Отдела рукописей и редких книг. Л., 1988. С. 52—53; Рамазанова Н. В. Певческие рукописные книги Кирилло-Белозерского монастыря // Монастырская традиция в древнерусском искусстве. К 600-летию Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 2000. С. 13—14.

⁵¹ См.: Поздеев А. В. Никоновская школа песенной поэзии.

пустыни получил опыт монашеской жизни в Кирилло-Белозерском монастыре, постриженником которого являлся. Будучи старцем и занимая достаточно высокий пост (казначея) в этой киновии, Герасим, безусловно, должен был быть в курсе событий монастырской жизни, а по роду своей деятельности мог даже общаться с Никоном лично. В Кирилловой обители он находился по крайней мере с 1663 по 1682 год, и именно в этот период (с июня 1676 по август 1681 года) там отбывал ссылку бывший патриарх, переведенный из Ферапонтова монастыря.⁵² Более того, летом 1667 года в Ферапонтов к Никону приезжала игуменья девичьего Воскресенского Горицкого монастыря Марфа, которая привозила полученные старицей этого же монастыря Максимилий от ее сестер московские новости и через нее же отправляла письма Никона в столицу.⁵³ Известно, что Герасим Новгородец отписывал монастырское имущество Воскресенского Горицкого девичьего монастыря новой игумене — Марфе (Товарищевых).⁵⁴ В этой описи упомянуты и вклады Максимилии (Шеховской), которая дарила книги в Нило-Сорскую пустынь.⁵⁵ Таким образом, Герасим Новгородец непосредственно общался с монахинями Горицкого монастыря, помошью которых пользовался в ссылке бывший патриарх. Можно даже предположить, что Герасим и Никон были знакомы и раньше. Грамота патриарха Никона от 20 марта 1655 года о ссылке казначея Герасима в Кирилло-Белозерский монастырь,⁵⁶ возможно, касается именно Герасима Новгородца. Он упомянут в качестве казначея Кирилло-Белозерского монастыря в документах этой киновии уже в декабре 1659 года.⁵⁷

Не исключено, что Герасим Новгородец познакомился с новой формой словесного творчества именно благодаря общению с людьми из окружения Никона. Впрочем, на использование Герасимом Новгородцем «двоесторочного согласия» могло повлиять и чтение печатной продукции, имевшей хождение в московской Руси XVII века: он не мог не видеть стихотворных строк под гравюрами в издании Киево-Печерского патерика, из которого выписывал фрагменты.

Тематика виршей перекликается с основными мотивами Послания Нила Сорского Вассиану Патрикееву. По-видимому, не случайно из всех посланий великого старца Герасим выбрал для копирования именно это. В нем заволжский подвижник убеждает вынужденного постричься высокородного князя в преимуществах монашеской жизни перед «скорбями» и «развращениями» «мира мимоходящего», творящего «злолюства» любящим его, «сладок являлся имъ, егда ласкает вещми, горек бываа последи». Очевидно, для Герасима именно такие наставления были наиболее близки и актуальны. Складывается впечатление, что он воспринимал наставления и поучения, включенные в его сборник, как адресованные ему самому.

⁵² Заметим, что опальный патриарх еще из Ферапонтова (до 1671 года) предпринял паломничество в Нило-Сорскую пустынь (см.: *Бриллиантов И. И. Указ соч. С. 166, 172*). Это, несомненно, свидетельствует о его давнем интересе к учению заволжского старца, поскольку, как известно, Никон длительное время провел в Соловецком Анзерском ските, устав которого сформировался под воздействием устава Сорского скита, принесенного на Соловки уставщиком Дионисием Крюком (см.: *Чудинова И. А. День соловецкого клиришанина («клирское житие» и «житие монашеское» по архивным документам и рукописям Соловецкого монастыря XVII—XVIII вв.) // Наследие монастырской культуры. Ремесло, художество, искусство. СПб., 1998. Вып. 3. С. 115, 125*).

⁵³ Севастьянова С. К. Материалы к «Летописи...» С. 254.

⁵⁴ Отписная книга Воскресенского Горицкого девичьего монастыря отписчиков Кириллова монастыря черного попа Матвея и старца Герасима Новгородца игумене Марфе Товарищевых // Кириллов: Ист.-краевед. альманах. Вологда, 1994. Т. 1. С. 261—287.

⁵⁵ Шевченко Е. Э. Книжные вклады. С. 160—161.

⁵⁶ Севастьянова С. К. Материалы к «Летописи...» С. 97. Шифр грамоты: РГАДА. Ф. 1441. Оп. 6. Д. 38.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 317. Л. 1. Документы приведены в кн.: *Дмитриева З. В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI—XVII вв. СПб., 2000. С. 146*.

Любопытно, что в начальных строках Психея Симона он конкретизировал обращение Владимира епископа, поставив свое имя рядом с нейтральным «ионче»: «Брате, седя в безмолвии, собери свой помысл и рцы к себе: „Убогий ионче Герасиме, неси ли мира оставил...”» (л. 2) (курсив мой. — Е. Ш.). Безусловно, об интересе сорского инока к новым веяниям в сфере литературы говорит включение в состав его сборника стихотворения. Неравносложные вирши Герасима Новгородца, возможно, не являются ярким образцом художественного творчества, но они важны для понимания специфики литературного процесса XVII века, в частности для истории силлабики.

Помимо распространения сочинений великого старца ученым монахам пустыни принадлежит и большая роль в создании произведений, прославляющих сорского подвижника.

Е. В. Романенко относит составление Канона Нилу Сорскому к 1682 году,⁵⁸ ссылаясь на передаточную опись скитского строителя Корнилия Затворникова новому строителю в августе того же года.⁵⁹ Указанный в этом документе характер оформления Канона (три печатные заставки в письменной книге) вызывает в памяти манеру украшения манускриптов Герасима Новгородца. Судя по предыдущей передаточной описи в январе 1682 года, именно он в качестве строителя передал свои полномочия Корнилию Затворникову.⁶⁰ Учитывая особенности оформления сборников Герасима, его творческую манеру копирования текстов, можно предположить, что переписчиком Канона был Герасим Новгородец. Текст Канона дошел до нас в рукописи XVIII века из собрания Кирилло-Белозерского музея РНБ.⁶¹

Склонность к словесному творчеству была свойственна и другим книжникам Сорского скита. В Строевском конволюте Погодинского собрания (о нем шла речь в связи с Герасимом Глупым), как указал А. С. Архангельский, находятся самые ранние Тропарь, Кондак и Икос преп. Нилу, которыми поминали сорского подвижника на начальной стадии его прославления.⁶² Исследователь творчества заволжского старца, обратив внимание на упоминание в Икосе царя Федора (годы его правления 1584—1598), датировал эти тексты концом XVI века. Таким же почерком частично написан еще один манускрипт из собрания Кирилло-Белозерского монастыря.⁶³ На него обратила мое внимание Ж. Л. Левшина.⁶⁴ Изучая грамматические сочинения в древнерусских сборниках, исследовательница расшифровала имя писца, которое он закодировал в своей приписке после написанного им текста о местоимениях. Его имя тоже Герасим (л. 195 об.). Как видим, в Нило-Сорском скиту трудилось несколько книжников с одинаковым именем Герасим. Поскольку в этой приписке писец называл себя «философом хитроречию» и «каллиграфом добролисию», а также переписал сочинение, имеющее отношение к грамматике, Ж. Л. Левшина условно назвала его «Герасим Грамматик».

⁵⁸ Романенко Е. В. 1) Нил Сорский и традиции русского монашества // Исторический вестник. 1999. № 3—4. С. 89—152; 2) Нил Сорский и традиции русского монашества. М., 2003. С. 194.

⁵⁹ СПб. ИРИ РАН. Кол. № 115, 689. Л. 17.

⁶⁰ СПб. ИРИ РАН. Кол. № 115, 688. Л. 1.

⁶¹ РНБ. Собр. Кирилло-Белозерского музея-заповедника (далее: Кирилло-Белозерский муз.). № 12. XVIII в. Текст опубликован: Шевченко Е. Э. К истории канонизации преподобного Нила Сорского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 1 (15). Март. С. 95—96; 98—101.

⁶² Впервые на это обратил внимание А. С. Архангельский. См.: Архангельский А. С. Нил Сорский и Василиан Патрикеев: их литературные труды и идеи в Древней Руси. Ч. 1. Преподобный Нил Сорский. СПб., 1882. Приложение I. С. 3—10. Приложение II. С. 11—13 (ПДП. Т. 16); Шевченко Е. Э. К истории канонизации преподобного Нила Сорского. С. 96.

⁶³ Кирилло-Белозерский собр. № 91/1168. Л. 187—195 об.

⁶⁴ Сердечно благодарю Жанну Леонидовну за то, что она поделилась со мной информацией об этой рукописи.

Итак, в конце XVI века появляются первые произведения, прославляющие за-волжского старца. Через столетие был составлен Канон преподобному. От этого же времени дошла до нас и Повесть о Нило-Сорском ските И. И. Плещкова.⁶⁵

В XVIII столетии впервые написали Чудеса, происходившие у гроба святого.⁶⁶ По содержанию они представляют собой небольшие, иногда в несколько строк, достаточно простые рассказы с неразвитым сюжетом. Это, скорее, зарисовки не слишком искущенного в литературной деятельности автора. Но именно в них нашли отражение живые и непосредственные, иногда даже излишне «бытовые» подробности. По всей вероятности, именно это обстоятельство стало причиной, по которой тексты Чудес Софийского сборника не получили широкого распространения и известны сейчас только в одном списке. Исключение составляет Чудо о написании образа Нила Сорского, с более развитым по сравнению с другими Чудесами сюжетом. Оно дошло до нас, хотя и в другой редакции, в нескольких более поздних рукописях.⁶⁷ Сюжет этого сочинения (в редакции Софийского сборника), как удалось установить, отражает реальную картину, сложившуюся в Ниловой пустыни в конце XVII века. Судя по скитским описям этого столетия, некоторое время за образ преп. Нила Сорского принимали икону, изображающую тезоименитого ему основателя монастыря на озере Селигер Нила Столбенского. «Ошибку» поспешили исправить, и в других списках Чуда об образе Нила Сорского появилась иная редакция, где нет упоминания об иконе его тезки. Основу сюжетной линии этого сочинения составляет обещание плененного турками московского боярина написать икону преп. Нила за помощь в освобождении «от варвар». Мотив написания по обету образа святого становится распространенным в северорусских житиях XVII века. Такой мотив, например, встречается в Чуде 1620 года Кирилла Новоезерского.⁶⁸ Возможно, оно послужило отправной точкой в создании Чуда об образе Сорского подвижника. Другим литературным источником для этого Чуда могло быть Житие Петра Афонского, где главный персонаж освобождается из плена также благодаря помощи святого.

Новая версия Чуда об образе, а также два других Чуда (об Иване Грозном и отроке) появились в конце XVIII—начале XIX века. В это же время были созданы краткие тексты с некоторыми биографическими сведениями о великом старце.⁶⁹ И только в 30-х годах XIX века иеромонахом Никоном (Прихудайловым) по всем канонам агиографического жанра было создано собственно Житие основателя скита на Соре, отредактированы три его чуда⁷⁰ и полностью составлена Служба преподобному.⁷¹

⁶⁵ Прохоров Г. М. 1) Повесть о Нило-Сорском ските // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1976. М., 1977. С. 12—20; 2) Повесть о Нило-Сорском ските // Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения. С. 393—398.

⁶⁶ РНБ. Соф собр. № 1476. Подробнее об этой рукописи см.: Шевченко Е. Э. История создания жития преподобного Нила Сорского // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 744—760.

⁶⁷ Там же. С. 748. Шифры рукописей: РНБ. Собр. Кир. муз. № 26, 46.

⁶⁸ Карбасова Т. Б. Житие Кирилла Новоезерского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3: XVII в. Ч. 4. Дополнения. С. 844.

⁶⁹ Шевченко Е. Э. История создания жития преподобного Нила Сорского. С. 748—751.

⁷⁰ К сожалению, у нас нет оснований считать, что чудес было более 20, как это предположила Е. В. Романенко (Романенко Е. В. Нил Сорский и традиции русского монашества. С. 139); исследовательница, вероятно, ошибочно приняла букву «К», обозначающую пагинацию листа, за свидетельство о количестве чудес в рукописи Кирилло-Белозерского собр., № 61/1300. Последнее чудо имеет нумерацию «3», выраженную, естественно, буквой «Г». Оно начинается на листе 22 об., а на следующем листе стоят буквы «КГ», обозначающие 23. Рукопись, которую показывал Никон (Прихудайлов) С. П. Шевыреву в 1847 году с двумя чудесами «писанными древним полууставом», вероятнее всего, была № 46 или № 26, теперь хранящаяся в РНБ., собр. Кирилло-Белозерского музея-заповедника.

⁷¹ Шевченко Е. Э. Служба и житие преподобного Нила Сорского, составленные в середине XIX в. иеромонахом Нилом Прихудайловым // Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии до текстологии. СПб., 2004. С. 166—186.

На протяжении всего времени своего существования скит преподобного Нила, как и любой монастырь, переживал и периоды расцвета, и периоды запустения. Это связано как с различными общественно-политическими процессами Древней Руси, так и с личностями, повлиявшими на их развитие.

Период с конца XV до первой половины XVI века был самым ярким в истории скита. Никогда впоследствии Сорская пустынь не играла столь важной роли интеллектуального центра, как при преп. Ниле и его учениках. Однако всегда там в той или иной степени уделялось внимание «книжному искусству». Известные писатели дарили книги этой далекой, затерянной в болотистом «непроходном» крае обители, отдавая дань идеям почитаемого сорского старца. Скитские монахи трудились над переписыванием древнерусских манускриптов, значительную долю которых занимали сочинения преп. Нила. Они не просто копировали «ветхие» тексты, но, пропуская сквозь призму своего восприятия, редактировали их и уточняли. Памятники письменности Нило-Сорского скита отразили изменения жанровой системы, направлений и стилей эпохи. Но неизменной оставалась память о великом старце, трудами и молитвами которого создавалась обитель на реке Соре. И конечно, особое место в творческом наследии сорских книжников отводилось новым сочинениям, прославляющим великого заволжского подвижника.